

ИСТОРИЯ

УДК 94.084.5:334.73] (571.1/5)

*Н.В. Воробьев***ТОРГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОРОДСКОЙ И РАБОЧЕЙ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ
КООПЕРАЦИИ СИБИРИ В 1926–1929 гг.**

Рассматриваются основные тенденции в развитии торговой деятельности городской и рабочей потребительской кооперации Сибири во второй половине 1920-х гг. На основе анализа опубликованных материалов и архивных документов автор обобщает вывод об изменении характера торговой деятельности кооперативов и переходе к нормированию отпуска продовольственных и промышленных товаров и карточному снабжению.

Ключевые слова: Сибирь; кооперация; торговля; распределение.

Научная разработка истории кооперативного движения в годы нэпа как в рамках всей страны, так и на региональном уровне имеет определенные достижения. Однако не все виды кооперации получили равномерное освещение. В частности, до сих пор недостаточное внимание уделяется исследованию городской и рабочей потребительской кооперации в этот период, когда она заняла лидирующие позиции в снабжении населения городов и промышленных районов товарами народного потребления. Целью данной работы является рассмотрение торговой деятельности городской и рабочей потребительской кооперации Сибири и выявление процесса перехода от торговли к распределению во второй половине 1920-х гг.

Новая экономическая политика способствовала восстановлению товарно-денежных отношений, изменению положения потребительской кооперации: из подсобного технического аппарата Народного комиссариата продовольствия (Наркомпрод) она превращалась в равноправного субъекта рынка. В 1921–1925 гг. городская и рабочая потребительская кооперация Сибири прошла сложный и противоречивый путь развития: от мелких потребительских обществ при предприятиях и учреждений к крупным многолазовым Центральным рабочим кооперативам (ЦРК) и городским потребительским обществам (горПО). В этот период формировались принципы взаимоотношений кооперации с государством, промышленностью, другими участниками рыночных отношений. Считая своим главным предназначением повышение уровня жизни кооперированного населения, городская и рабочая потребительская кооперация Сибири целью торговой политики провозгласила снижение цен и максимальное обслуживание пайщиков. В 1924/25 г. городская и рабочая потребительская кооперация Сибири стала занимать преобладающее положение в розничной торговле городов и промышленных районов по продаже предметов первой необходимости. Определенных успехов городская и рабочая потребительская кооперация Сибири добилась и в деле вытеснения частного капитала из городской розничной торговли. Успехи ЦРК и горПО в конкуренции с ним стали возможны благодаря продаже товаров по более низким ценам, применению мер материальной заинтересованности пайщиков, приближению торговых пунктов к потребителю и т.д. Однако полностью вытеснить частного из розничной торговли не удалось,

т.к. кооперация не в полной мере была приспособлена к рыночным условиям, не обладала необходимой гибкостью и маневренностью. Несмотря на частичное восстановление кооперативных принципов в период нэпа, кооперация продолжала оставаться под жестким партийно-государственным контролем. Предоставляя кооперации льготы в получении кредитов, преимущества в налогообложении, Советское государство требовало от нее расширения торговой сети, увеличения торговых оборотов, снижения цен, что предопределило неустойчивость финансового состояния кооперативов.

Принятие XIV съездом партии курса на индустриализацию в декабре 1925 г. отразилось на деятельности всех видов кооперации, в том числе и потребительской. Во-первых, сократилось кредитование кооперации со стороны государства. Долгосрочный товарный кредит (более 3 месяцев) в январе 1926 г. по сравнению с июлем 1925 г. снизился в 2 раза, а по ряду потребительских товаров он составил всего один месяц [1. С. 40–41]. В нормальных условиях этого срока недостаточно для того, чтобы товар обернулся хотя бы один раз, следовательно, торговая организация должна была оплатить его раньше, чем он мог быть реализован. Другими словами, на покрытие этих закупок следовало получить банковский кредит, но участие государственных средств в товарообороте потребительской кооперации постоянно снижалось: если на 1 октября 1924 г. кредит потребительской кооперации в Госбанке составлял 13,8% общей суммы кредитов, открытых Госбанком всему советскому хозяйству, то на 1 октября 1925 г. он равнялся 9,1%, на 1 октября 1926 г. 6,8% и на 1 октября 1927 г. – 6% [2. С. 10]. В этих условиях торговые организации были вынуждены сокращать закупки менее ходовых товаров и частично отказываться от приобретения тех товаров, где кредит предоставлялся на наименее приемлемых условиях.

Во-вторых, уже в первой половине 1925/26 хозяйственного года проявилось несоответствие между поставками промышленной продукции и ростом покупательной способности населения. В дальнейшем этот разрыв продолжал увеличиваться: в декабре 1926 г. по 12 сибирским ЦРК неудовлетворенный спрос на текстильные товары составил 406 тыс. руб., на хлопчатобумажные ткани – 171, на бакалейно-пищевые – 100,5, на металлы и металлоизделия – 80, на сельскохозяйственные продукты – 84,5, на кожанно-обувные товары –

51,5 тыс. руб. Ощущался также недостаток керосина, ниток, ваты и других товаров широкого потребления. Приказчики из магазинов ЦРК говорили: «иногда прямо стыдно за прилавком стоять потому, что на 10 вопросов покупателя 5 раз отвечаешь «нет» [3. С. 12]. В целом по стране дефицит промышленных продовольственных и непродовольственных товаров в первом полугодии 1926/27 г. составил 220 млн руб., а в первом полугодии 1927/28 г. – 500 млн руб. [4. С. 37]. В этих условиях городская и рабочая потребительская кооперация как СССР, так и Сибири продолжила курс на дальнейшее увеличение товаропроводящей сети и рост кооперирования населения. Это стало ответом на требование партии и советского государства о расширении торговой работы кооперации за счет вытеснения частного капитала.

В-третьих, новая практика взаимоотношений кооперации с государственной промышленностью – путем заключения генеральных договоров – имела противоречивые последствия. С одной стороны, гендоговоры ликвидировали промежуточные звенья, ускоряли продвижение товаров, вносили плановое начало в коммерческую деятельность кооперации. С другой – в ходе их оформления и реализации интересы промышленности были приоритетными. Широкое распространение получила практика навязывания кооперации принудительного ассортимента товаров, когда кооперативные органы были вынуждены брать на себя обязательства по продаже не пользующихся спросом населения предметов потребления.

В-четвертых, необходимо отметить и такую характерную особенность второй половины 1920-х гг., как привлечение потребкооперации к решению масштабных государственных задач: осуществлению хлебозаготовок, снижению цен, сокращению административно-управленческих расходов и т.д. Все это требовало значительных усилий со стороны кооперативного аппарата и порождало огромную отчетность. Так, в 1926–1927 гг. по инициативе партийных и государственных органов была осуществлена кампания по снижению цен в государственной и кооперативной торговле. По сибирским городам оно составило в 1927 г. 10,3%, что на 0,3 превышало плановые показатели [5. С. 31]. Но на практике не все обстояло столь благополучно, т.к. основным способом снижения цен стало сокращение прибыли кооперативных организаций. По городским и рабочим кооперативам Сибири накопление в процентах к обороту по продаже товаров в 1925/26 г. составило 1,85%, в 1926/27 г. – 0,05%, в 1927/28 г. – 0,23% [6. С. 14].

Параллельно кампании по снижению цен развивалась борьба за режим экономии, призванная «максимально сократить расходы на все то, что абсолютно не необходимо и без чего можно обойтись при наших скудных резервах, сберегать каждую копейку и систематически накапливать средства для нужд нашей индустрии» [7. С. 528]. Городские и рабочие кооперативы Сибири стремились избавиться от неходовых товаров, рационализировать трудовые процессы, снижать накладные расходы и т.д. Они были обязаны выполнять решение правительства о двадцатипроцентном сокращении административно-управленческих расходов путем установления твердых норм нагрузки рабочих и служащих, сокращения объема сверхурочных работ, снижения командировочных расхо-

дов, отмены работы во вторую смену (где в этом не было особой необходимости) и т.д. Широкое распространение получило сокращение штатов, уменьшение расходов на рекламу и объявления. Кооперативы были обязаны строго соблюдать установленную регулирующими органами норму торговых расходов, составлявшую 10% к обороту по продаже товаров.

Во второй половине 1920-х гг. городская и рабочая потребительская кооперация продолжила курс на рост торговых оборотов, вытеснение частного капитала из сферы обращения, максимальное обслуживание членов-пайщиков ЦРК и горПО. В качестве особенных директивными органами были поставлены задачи первоочередного обслуживания промышленных районов и завоевания рынка сельскохозяйственных продуктов, где сохранялись сильные позиции частного капитала. Товарооборот городской и рабочей потребительской кооперации Сибири (без транспортной) вырос с 89,2 млн руб. в 1926/27 г. до 137,0 млн руб. в 1928/29 г. Удельный вес данного сектора в городском розничном обороте края увеличился за тот же период с 41,8 до 52,6%, тогда как доля государственной торговли снизилась с 26,6 до 24,7%, а частной – с 28 до 18,4%. Самое значительное увеличение торгового оборота по системе городской и рабочей кооперации Сибири отмечалось по ЦРК Кузбасса: при среднем росте оборотов ЦРК за 1926/27 г. на 41% они повысили оборот на 63%, а в 1927/28 г. – на 35% против 26% по всем ЦРК [6. С. 10; 8. С. 78].

Торгово-распределительная сеть потребкооперации в городах и рабочих районах Сибири также продолжала расширяться: если на 1 октября 1927 г. она насчитывала 417 торговых пунктов, то на 1 октября 1928 г. – 538, а на 1 октября 1929 г. – 747 [9. С. 101]. К числу особенностей расширения кооперативной торговой сети во второй половине 1920-х гг. относились: во-первых, приближение ее к рабочим районам, во-вторых – усиление специализации магазинов и лавок, в-третьих – необходимость замещения частной товаропроводящей сети. Городская и рабочая потребительская кооперация края почти целиком поглощала тот удельный вес в обороте, который занимала частная торговля. Но далеко не всегда кооперативная торговля была способна быстро развернуть свои торговые пункты и полностью заместить частника, что приводило к появлению «торговых пустынь», а зачастую – к снижению качества обслуживания потребителя. Газета «Советская Сибирь» в августе 1929 г. сообщала, что «за последние 3 года частный рынок потерял 6 246 торговых пунктов, а все виды кооперации открыли лишь 540 новых лавок и магазинов». С учетом некоторого сокращения государственной торговой сети рабочая кооперация «заместила» 12 закрытых торговых единиц лишь одной [10]. Среди причин данного явления следует выделить как объективные – недостаток средств на расширение материально-технической базы торговли у ЦРК и горПО, так и субъективные – косность и бюрократизм кооперативного аппарата, неприспособленность его к быстро меняющейся обстановке и т.д.

Тем не менее удельный вес городской и рабочей потребительской кооперации Сибири в удовлетворении потребностей обслуживаемого населения продолжал

возрастать. Так, степень реализации заработной платы рабочих в сибирских ЦРК и горПО в 1927 г. составляла 54,1%, в 1928 – 56,9, в 1929 – 60,1% [9. С. 100]. Решающее положение городская и рабочая кооперация Сибири заняла в снабжении промтоварами, а по сельскохозяйственным продуктам питания ее роль оставалась довольно низкой. Это подтверждало общую ситуацию в стране, где в начале 1927 г. рабочий покупал в кооперации 90% мануфактуры, 75% обуви, 85% сахара, 80% чая, 75% соли, 73% муки, 73% крупы, 73% мыла, 63% печеного хлеба. В то же время он приобретал у частного торговца 92% молока, 85% картофеля, 83% яиц, 75% овощей, 60% мяса [11. С. 52]. Выполняя партийно-государственные директивы и отвечая на запросы пайщиков об увеличении торговли сельскохозяйственными продуктами, городская и рабочая потребительская кооперация Сибири во второй половине 1920-х гг. стала уделять им больше внимания. Однако темпы роста данной товарной группы в общих оборотах кооперативов были незначительными: составляя 16% в 1925/26 г. она увеличилась до 18% в 1927/28 г., тогда как в ассортименте рабочего бюджета ее удельный вес превышал 50% [12. С. 11]. Удовлетворение потребительского спроса по отдельным видам продуктов питания колебалось от 80–90% по хлебу до 18% по овощам и 10% – яйцам. Низкий процент удовлетворения потребительского спроса по двум последним товарам частично объяснялся объективными причинами: новизной дела, отсутствием опыта, специальных хранилищ, коммерческим риском, а также привычкой потребителя производить заготовки на базаре. Среди части кооператоров бытовало негативное отношение к работе с этими продуктами: они считали, что в условиях Сибири городское население может снабжаться ими за счет крестьянского рынка. Так, председатель одного из горняцких ЦРК признал: «Мы не хотели заниматься торговлей овощами, а нас Сибкрайсоюз заставил» [12. С. 11]. Действительно, план Сибкрайсоюза по заготовкам овощей для 26 ЦРК Сибири на 1927/28 г. по сравнению с предыдущим операционным годом был увеличен с 405 600 пудов стоимостью 251 280 руб. до 1 583 550 пудов – на 903 540 руб. [13. С. 19]. Но кроме «нажима сверху» существовало и «давление снизу»: если во время отчетно-перевыборной кампании по рабочей кооперации 1927/28 г. на собраниях пайщиков недостаткам торговли сельскохозяйственной продукцией в ЦРК и горПО было посвящено 12,9% выступлений, то в 1928/29 г. – 15,1% [14. Л. 12].

Признавая весомые количественные достижения городской и рабочей потребительской кооперации Сибири во второй половине 1920-х гг., следует отметить заметное отставание качественной стороны ее деятельности. К числу главных недостатков относились острые финансовые затруднения ЦРК и горПО, по-прежнему слабый охват ими рынка сельхозпродуктов, несоответствие имеющегося в кооперативах ассортимента товаров с бюджетом рабочих и служащих, затоваривание.

К внутренним проблемам весной 1927 г. добавились и внешние – разрыв дипломатических отношений с Англией и события в Китае, что вызвало панику среди населения и резкое повышение потребительского спро-

са. Стоимость сельскохозяйственных продуктов питания в бюджетном наборе рабочих и служащих с 1 января по 1 июля 1927 г. увеличилась от 3% в г. Красноярске до 20% в г. Черемхово [15. Л. 13]. В циркуляре ВЦСПС и Центросоюза от 26 июля 1927 г. руководителям кооперативных организаций были предложены меры для успокоения населения: во-первых, «разъяснительная работа о вредности и безосновательности создания...запасов «на случай войны», во-вторых, «наблюдение за аппаратом в целях предупреждения с его стороны поступков, содействующих возникновению паники» и, в третьих, «регулирование выпуска товаров в оборот». Работникам кооперативного аппарата категорически запрещалось создавать личные запасы за счет учреждения [16. Л. 3–4]. Однако этого оказалось недостаточно для нейтрализации ажиотажного спроса: начались перебои с продовольствием как по всей стране, так и в Сибири, а осенью они стали обыденным явлением. В газете «Красное знамя» за 16 октября 1927 г. сообщалось, что в магазинах и лавках Томского ЦРК «Сахара – нет! Муки – нет! Масла – нет! Уже почти месяц нет самых ходовых, дешевых папирос...». Особенно острым был мучной кризис: за мукой выстраивались большие очереди, сопровождавшиеся появлением нескольких списков очередей, ссорами и драками [17]. Повышенный покупательский спрос в государственных и кооперативных магазинах обусловил рост рыночных цен. Негативное воздействие на потребительский рынок оказывали и другие факторы: прогрессирующая эмиссия, превышение плановых показателей по росту заработной платы, что, в свою очередь, раскручивало маховик инфляции. Во второй половине 1927 г. «хлебный кризис» дополнился перебоями в торговле и другими продуктами питания, что привело к нормированию их отпуска.

В условиях возникновения продовольственных трудностей особое внимание со стороны партийных органов уделялось городской и рабочей потребительской кооперации как основному проводнику товаров в городах и промышленных центрах. Постановление Сибкрайкома ВКП(б) от 28 февраля 1928 г. «Об оздоровлении работы рабочей кооперации» предлагало активизировать деятельность кооперативного аппарата по увеличению собственных средств, усилению мобильности и ускорению оборачиваемости имеющихся капиталов, резкому уменьшению товарных остатков. Предоставление финансовой помощи городским и рабочим кооперативам со стороны Сибкрайсоюза ставилось в прямую зависимость от сбора паевых капиталов и кооперирования населения. В части торговой работы комфракции Сибкрайсоюза было предложено «уточнить обороты ЦРК за год в целом, не останавливаясь перед сокращением оборотов по отдельным организациям» [18. С. 5].

Реализация данного постановления и соответствующих решений Сибкрайисполкома и Сибкрайсоюза ускорила темпы количественного роста ЦРК и горПО Сибири, привела к некоторому увеличению их собственных средств. Так, численность пайщиков городской и рабочей кооперации Сибири возросла со 159 тыс. человек на 1 октября 1927 г. до 241,7 тыс. на 1 октября 1928 г., а паевой капитал за это же время увеличился с 1 134,0 до 2 424,5 тыс. руб. [6. С. 1]. Однако финансо-

вое состояние ЦРК и горПО Сибири продолжало ухудшаться: если на 1 октября 1925 г. на каждый рубль оборотного капитала приходилось 16 коп. собственных средств, то на 1 октября 1926 г. – 19 коп. на 1 октября 1927 г. – 8 коп., и на 1 октября 1928 г. – 3 коп. [19. С. 82]. Журнал «Кооперативная Сибирь» в январе 1929 г. отмечал: «...истекший (1927/28) операционный год рабочая кооперация Сибири закончила не только без нормального накопления», но по ряду ЦРК и горПО имелся значительный убыток» [20. С. 6]. Главной причиной низкой рентабельности потребительских обществ являлось несоответствие капиталонакопления росту товарных оборотов сибирских ЦРК и горПО: если их оборот в 1927/28 г. увеличился на 24 млн руб., или на 26%, то накопление в том же году составило 258 тыс. руб. (0,23% к обороту по продаже, тогда как нормальным оно считалось при достижении не менее 1% к обороту) [6. С. 10, 14]. По этому показателю сибирские ЦРК и горПО уступали городским и рабочим кооперативам СССР из-за удаленности от основных рынков закупа, медленной оборачиваемости товаров, больших затруднений в получении долгосрочных ссуд. Разрешая вопрос о капиталонакоплении, потребительская кооперация должна была сохранить политику снижения цен в целях повышения уровня жизни трудящихся. В условиях резкого сокращения финансирования кооперации со стороны государства решить эту проблему предполагалось путем привлечения новых пайщиков, увеличения уставного пая, сбора вкладов и авансов с кооперированного населения.

Свертывание нэпа и переход к форсированной индустриализации обусловили кардинальную перестройку всей хозяйственной деятельности в СССР, в том числе и торговой работы. Во-первых, в это время произошел переход к целевому снабжению промышленными и продовольственными товарами ударных отраслей производства и важнейших строек. Во-вторых, в связи с распространением государственного директивного планирования на потребительскую кооперацию купля-продажа товаров все больше заменялась распределением. В-третьих, в сохранившейся отчасти торговле и распределении усиливался классовый подход. В городской и рабочей потребительской кооперации он проявлялся в первоочередном и преимущественном снабжении рабочего класса (хотя внутри него выделялись группы: занятые тяжелым физическим трудом, работающие на важнейших предприятиях и стройках, рабочие-сезонники и т.д.), в немедленном исключении из ЦРК и горПО «всех кулаков и лишенцев» и даже в невозвращении им «паев, вкладов и авансов вне зависимости от того, на каких условиях они были приняты» [21. Л. 28]. В-четвертых, приоритетное развитие тяжелой промышленности в годы первой пятилетки обусловило отставание производства потребительских товаров, к тому же значительная часть их использовалась для обеспечения хлебозаготовок. Так, для стимулирования сдачи зерна крестьянами в октябре 1928 г. в среднем по Сибири в деревню было отправлено 70% дефицитных товаров, поступивших в край [22. С. 6].

Все это в 1928–1930 гг. привело к обострению трудностей в снабжении населения городов и промышленных районов предметами первой необходимости. Осо-

бенно сильно ощущалась нехватка продуктов питания, вызванная стремительным ростом городского населения Сибири и значительным увеличением потребительского спроса. К тому же сельское хозяйство не могло полностью удовлетворить потребности сибирских городов и промышленных центров в своей продукции, что обусловило резкое повышение цен на нее: среднерыночные цены в сибирских городах с октября 1928 по октябрь 1929 г. увеличились на пшеничную муку простого размола в 3,3 раза, ржаную муку – в 4,4 раза, топленое масло – почти в 2 раза, картофель – в 3,5 раза. В марте 1930 г. по сравнению с мартом 1929 г. цены на продукты питания в государственной и кооперативной торговле увеличились в 2,5 раза, на рынке – в 3 раза [23. С. 295]. Ввиду ухудшения рабочего снабжения все шире распространялось нормирование отпуска продовольственных товаров, в первую очередь муки. Так, бюро Красноярского окружкома ВКП(б) 28 мая 1928 г. установило следующие нормы отпуска муки пайщикам ЦРК и транспортного потребительского общества (ТПО): 1) 32 кг муки в месяц семьям с 4 и более членами; 2) 20 кг – семьям с количеством членов до 4 человек; 3) 8 кг – прочему кооперированному населению [24. С. Л. 33]. В Анжеро-Судженском ЦРК в конце 1928 – начале 1929 г. выдавалось 20 кг. муки на одного взрослого рабочего в месяц, на члена семьи старше 16 лет – 16 кг, младше 16 лет – 11 кг [25]. Нормы и группы снабжения как в Сибири, так и по стране в целом отличались, т.к. они устанавливались явочным порядком решениями местной власти.

В феврале 1929 г. постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «узаконило» всеобщую карточную систему на хлеб. СНК республик, краевые и областные исполнительные комитеты имели право изменять нормы снабжения (но лишь в установленных пределах), должны были составлять списки снабжаемых. Отпуск хлеба мог производиться только по заборным книжкам, которые выдавались тарифицированному (трудоу) населению. Приезжие – главным образом крестьяне – могли купить хлеб после того, что осталось и по повышенным ценам. 28 августа 1929 г. Сибкрайсовпроф совместно с Новосибирским окрторготделом и другими организациями утвердил «Временные правила пользования хлебными карточками», согласно которым определялись группы снабжаемых, техника и нормы отпуска хлеба, порядок составления списков. Все получатели хлеба разбивались на две категории: первую – усиленную (рабочие, занятые тяжелым физическим трудом и рядовой состав милиции), и вторую (все остальное тарифицированное население и иждивенцы лиц, относящихся к обеим категориям). Включение предприятий и групп рабочих в ту или иную категорию на получение хлеба осуществлялось Сибкрайсовпрофом по согласованию с соответствующим профсоюзом [26]. Преимуществами в снабжении в социальном плане пользовались рабочие, в географическом – крупнейшие индустриальные центры и стройки. Эта мера не вызвала массового недовольства, более того, большая часть рабочих отнеслась к введению карточек спокойно: они считали, что теперь прекратится бесконтрольная продажа хлеба крестьянам и спекулянтам. Но полностью устранить злоупотребления не удалось: по результатам про-

верки правильности выдачи хлебных карточек, проведенной Новосибирским окрторготделом в сентябре 1929 г., была выявлена масса нарушений. Наиболее типичными из них являлись: 1) члены семьи, работающие в разных коллективах, получали карточки на одних и тех же иждивенцев; 2) получение карточек мужем и женой, служащих в различных учреждениях, друг на друга; 3) получение карточек на родственников, относящихся к нетрудовым элементам; 4) пользование карточками ЦРК пайщиками транспортной кооперации (и наоборот). В результате в г. Новосибирске было роздано 140 тыс. карточек, тогда как тарифицированного населения насчитывалось не более 115 тыс. человек. Так, строители братья Шмаковы получили в своих организациях карточки на одну и ту же семью из 5 человек, Л. Смирнов получал хлеб в ЦРК и на себя, и на семью, одновременно являясь членом ТПО, Горева – нетрудовой элемент – проходила как состоящая на иждивении сына, хотя имела двухэтажный дом и сдавала квартиры в аренду [27]. В качестве наиболее яркого примера по увеличению возможностей собственного снабжения и даже извлечению прибыли можно привести деятельность рабочего мыловаренного завода Н. Киселева в г. Новосибирске, который не только сам получил 8 карточек на семью, но и сына – рабочего лесозавода – заставил сделать то же самое. Кроме того, являясь пайщиком ТПО, Н. Киселев получил муку – ее он стал продавать по 12 руб. за пуд [28]. У всех выше-названных лиц после проверки карточки были изъяты, а против них заведены уголовные дела (злоупотребления с карточками квалифицировались как мошенничество по 169 ст. Уголовного кодекса; наказание за это – лишение свободы до 2 лет).

Еще труднее оказалось преодолеть соблазн самоснабжения непосредственно работникам торгового аппарата. После выдачи заборных книжек в Новосибирске оказалось, что их имели только 17 киоскеров Новосибирского ЦРК из 60; некоторые из них получали заработную плату 250–300 руб. в месяц. В докладе ревизионной комиссии ЦРК отмечалось, что в лавках находили «мешки засушенного хлеба и спрятанную крупу», в киоске № 12 был обнаружен запас монпансье в 31 пуд, а в киоске № 14 – 9 мешков сахара. Торговые работники превышали размеры разрешенного кредитования – 10 руб. в месяц – до 60 руб. [29]. Все это подрывало доверие пайщиков к кооперативному аппарату, сокращало товарную базу снабжения, которая и без того была очень скромной. Очевидно также, что массовые злоупотребления кооперативных работников напрямую влияли на сбор паевых средств, внесение вкладов и авансов. Как обеспечить постоянный рост собственных средств ЦРК и горПО, если практически все краевые и окружные газеты были переполнены критическими материалами о работе торговых предприятий? В избытке имелись и собственные впечатления: многочасовое стояние в очередях – иногда безрезультатное, острая нехватка предметов широкого потребления, грубость продавцов и т.д.

Вопросом улучшения рабочего снабжения было посвящено специальное краевое совещание, состоявшееся в г. Новосибирске 7 сентября 1929 г. Председатель правления Сибкрайсоюза Зыков сформулировал глав-

ную задачу рабочей кооперации региона: это «...маневрирование товарными ресурсами, которое давно уже вошло в практику потребляющих районов». Все конкретные меры должны были идти по этой линии. Однако выступления руководителей рабочих кооперативов разошлись с этой установкой: они в один голос говорили о нецелесообразности увеличения торговой сети, введении непрерывной рабочей недели, удлинении рабочего дня ввиду необеспеченности товарами (председатель правления Барнаульского ЦРК Семенов), о главной причине затруднений – возникновении диспропорции между ростом городского населения и возможностями рабочей кооперации (председатель правления Новосибирского ЦРК Брайловский). Их поддержали представители Кемеровского, Омского, Томского и других ЦРК и горПО. Наиболее полно настроения кооператоров выразил председатель правления Красноярского ЦРК Житенев, который перечислил список (перечень) дефицитных товаров и поставил вопрос: «Какой товар у нас сейчас не дефицитен?» Из этого следовало, что «борьбу с очередями надо искать не в улучшении техники обслуживания, а в 100%-ном выполнении заявок ЦРК на товары». Почти каждый делегат отмечал одно больное место: «...рабочую кооперацию, которая сейчас оказалась в тяжелом положении, критикуют все... но практически помочь ей почти никто не хочет» [30]. И действительно, на совещании отсутствовали представители профсоюзных и регулирующих органов, без содействия которых рабочая кооперация не могла справиться с новыми задачами. Таким образом, позиция «цераккоопщиков» исходила из непреодолимости объективных условий, освобождающих от требования маневрирования товарными ресурсами, необходимости предоставления ей помощи со стороны всех организаций, причастных к рабочему снабжению.

В этих условиях партийные и советские органы инспирировали кампанию по проведению досрочной чистки аппарата ЦРК и горПО. Руководство сибирской краевой рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) 10 октября 1929 г. по ходатайству окружной РКИ разрешила провести досрочную чистку аппарата Новосибирского ЦРК, осуществление аналогичной меры предложило РКИ бюро Красноярского окружкома ВКП(б), а в Барнауле с подобным требованием выступали рабочие. Уже в октябре 1929 г. были сняты с работы руководители Красноярского и Новосибирского ЦРК, а в конце 1929 – начале 1930 г. была проведена чистка аппарата рабочей кооперации края [31]. Но замена одних мало-квалифицированных работников другими, еще менее квалифицированными, не гарантировала коренного перелома как в технике торговой работы, так и в рабочем снабжении в целом.

Практическая деятельность ЦРК и горПО по обслуживанию населения показывала, что обеспечение даже скромных норм снабжения постоянно оказывалось под угрозой срыва. Во-первых, из-за недостатка ресурсов планы снабжения были намного меньше потребности. Так, по расчетам Церабсекции, потребность промышленных центров по всей стране на 1928/29 г. составляла: крупы – 5,1 млн. пудов, а Наркомторг выделил 2,6 млн пудов, масла растительного – 2 млн пу-

дов, а выделено 805 тыс. пудов, масла животного – 400 тыс. пудов, выделено же 191 тыс. пудов [32. Л. 28]. Во-вторых, из-за бюрократической волокиты, многозвенности и неповоротливости кооперативной и государственной торговли, плохой работы транспорта, больших потерь даже эти весьма скромные планы не выполнялись. В-третьих, решительное наступление на частного привело к значительному сужению частного и крестьянского рынка. С учетом резкого роста рыночных цен возможности пополнения продовольствия из данного источника уменьшились. В 1928/29 г. нормирование и карточки охватили основные продукты питания: крупу, мясо, масло и т.д. Одновременно шел процесс перехода на снабжение по талонам и ордерам дефицитными непродовольственными товарами, перечень которых постоянно расширялся. Газета «Советская Сибирь» отмечала, что в городах края в начале 1929 г. «хлопчатобумажных тканей достаточно по «голодной норме», но нет сатина, темных сортов мануфактуры. Большой недостаток обуви, кожаных и овчинно-шубных товаров», отсутствие в магазинах простой мебели – табуреток, столов, стульев. Дефицит отдельных групп товаров объяснялся технической отсталостью отечественной промышленности, недостатком сырья для нее, расторопностью торгово-кооперативных организаций (соль, сахар, керосин), увеличением потребления (сахар), неумением кооперации «заготавливать и хранить овощи», отсталой техникой торговли [25].

Процесс перехода от свободной торговли к нормированию, а затем к карточкам по всей стране подробно описан Е.А. Осокиной. Аналогичным образом он проходил и в Сибири: продажа всем желающим при достаточности товаров; введение ограничений при их дефиците (как правило, установление максимального размера покупки); при хронических перебоях – продажа дефицитных товаров только членам кооператива (возможна продажа и непайщикам – но по более высоким ценам); при дальнейшем ухудшении снабжения – введение карточек с указанием нормы покупки, прикрепление пайщиков к торговым пунктам. Таким образом, карточки являлись не только средством нормирования продаж, но и учета покупателей, и контроля за количеством покупок [4. С. 68].

По постановлению Сибкрайисполкома от 14 августа 1929 г. было решено ввести заборные книжки в регионе с 1 октября 1929 г. Получили одобрение и другие меры по упорядочению снабжения: прикрепление населения к определенным магазинам (в первую очередь в отношении хлеба, масла и круп), расширение развозной торговли, введение повышенных цен для нетрудового населения, введение непрерывной недели в торговле. По вопросу об отпуске дефицитных товаров непайщикам кооперативов разгорелась дискуссия, которая завершилась принятием решения продавать их «всему тарифицированному населению, но соблюдать принцип поощрения пайщиков выдачей большего количества товаров или другими способами». Признавая «большие финансовые затруднения рабочей кооперации», Сибкрайисполком высказался за предоставление ей помощи из средств Сибкрайсюза, указав при этом на необходимость более эффективного использования внутренних резервов (вовлечение в торговый оборот

2 млн 800 тыс. руб. «кассовых остатков», реализация неходовых товаров на 10 млн руб., борьба с растратами и хищениями). Для улучшения рабочего снабжения рабочей кооперации было разрешено заготавливать в определенных районах хлеб, масло и яйца; создавать молочные фермы, пригородные хозяйства по выращиванию овощей и картофеля, откормочные пункты для скота и свинарники [33].

Введение заборных книжек в Сибири, как и по всей стране, происходило по решению местных советов. До этого товары отпускались по кооперативным книжкам и профсоюзным билетам, что порождало путаницу, т.к. каждая организация – ЦРК или ТПО – имели свои правила. Так, Новосибирский горсовет в сентябре 1929 г. принял постановление «О порядке и выдаче заборных книжек», согласно которому они выдавались с 1 октября на 3 месяца следующим группам населения: 1) рабочим и служащим; 2) безработным, зарегистрированным на Бирже труда; 3) кооперированным кустарям; 4) учащимся-одиночкам; 5) пенсионерам; 6) комполитсоставу Красной армии; 7) семьям рядовых красноармейцев, проживающим в городе; 8) семьям всех вышеперечисленных категорий; 9) семьям лиц, имеющих право на получение заборных книжек, если глава этой семьи проживал в другом городе. Непосредственно выдавать книжки должны были ЦРК и ТПО по спискам, составленным администрацией предприятий совместно фабричными и местными комитетами профсоюзов. Не были оставлены без внимания безработные, пенсионеры, кустари, учащиеся и другие категории граждан – для них также определялся порядок выдачи заборных книжек. Устанавливалось две категории потребителей: I – все рабочие, занятые физическим трудом, рядовой состав милиции, пожарной и военизированной охраны, надзиратели мест заключения, дворники, сторожа, истопники, няни, сиделки, кормилицы и т.д.; II – все служащие и члены семей обеих категорий. Для получения дефицитных продуктов лица, получившие заборные книжки, должны были прикрепиться к определенным магазинам на добровольной основе [34].

Аналогичные решения принимались и другими горсоветами Сибири, в результате система карточного снабжения распространилась по всему краю. Опыт выдачи заборных книжек выявил поспешность в составлении списков, что вызвало необходимость их проверки. В дальнейшем определение действительного контингента потребителей станет одной из важнейших задач причастных к этому организаций, т.к. в условиях чрезвычайно большой текучести кадров очень сложно было вести наблюдение за перемещением работников. Добровольный принцип прикрепления потребителей к торговым кооперативным пунктам (сам по себе вполне демократичный) привел к неравномерной нагрузке торговых предприятий. Многие ЦРК просили заново произвести прикрепление к магазинам для установления соответствия между возможностями того или иного торгового пункта и количеством обслуживаемого населения. Руководство страны положительно оценивало первый опыт введения заборных книжек: В.М. Молотов в своей речи на I Московской областной партийной конференции 14 сентября 1929 г. сказал, что это «оказалось совершенно правильным мероприятием, которое

рабочими полностью одобряется». Кроме улучшения снабжения, экономия в расходовании хлеба по РСФСР за июль – август 1929 г. составила 8,5 млн пудов по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года [35]. Однако происходило это в немалой степени за счет лишения некоторых групп населения возможности приобретать товары в государственной и кооперативной торговле.

Развитию системы снабжения в условиях непрекращающихся трудностей в обслуживании потребителей было посвящено постановление СТО от 11 сентября 1929 г. «О розничной торговле». Отмечая ухудшение обслуживания населения торговыми предприятиями, постановление выявило две основных причины: 1) недостаточное развитие розничной товаропроводящей сети; 2) недочеты в технике торговли. В целях максимального развертывания торговой сети, которое в основном по-прежнему должно было идти по линии потребительской кооперации, допускалось некоторое увеличение числа торговых предприятий государственной торговли и инвалидной кооперации. Для приспособления часов торговли к потребностям широких масс было признано необходимым увеличить число магазинов, торгующих в 1,5 и 2 смены, в праздничные дни; дифференцировать часы открытия и закрытия магазинов в зависимости от видов и размеров торговли, а также нужд потребителей. Целый комплекс мер был предусмотрен в области техники торговли: развитие развозной торговли, предварительной развески товаров, прием предварительных заказов и т.д. СТО признал чрезмерной нагрузку торгового персонала и предложил в 2-месячный срок снизить ее до нормальных размеров путем рационализации техники торговли, освобождения продавцов от подсобных работ, приглашения временных работников, создания резервных кадров продавцов в рабочих кооперативах. С целью повышения материального стимулирования торговых работников устанавливались периодические прибавки к заработной плате за продолжительный срок службы в кооперативе, выплаты единовременного вознаграждения всему коллективу магазина за уменьшение норм естественной убыли при отсутствии жалоб на превышение цен, обвес или обмер покупателей. Специальный раздел был посвящен капитальному строительству в розничной торговле [36].

Реализация этих мер способствовала некоторому смягчению кризиса снабжения, но даже самая передовая техника торговли сама по себе не могла наполнить рынок товарами. Поэтому нормирование не только сохранялось, но постепенно охватило основные продукты питания. Так, в г. Барнауле в сентябре 1929 г. продажа мяса осуществлялась только тарифицированному населению и причисленным к ним группам (инвалиды), имеющим заборные книжки ЦРК – на 1 чел. – 500 г, на 2 – 800 г; на 3 – 1 кг, на 4 – 1,2 кг, на 5 – 1,4 кг, на 6 – 1,6 кг, на 8 едоков и более – 2 кг; животного масла: на 1 едока – 200 г, на 2 – 300 г, на 3 и более – 500 г; хозяйственного мыла: по 500 г на заборную книжку; чая – 1/8 кирпича, 250 г байхового на книжку в месяц. Сахар могли получать только пайщики кооператива – 600 г в месяц на человека [37]. Спецсводки сибирских органов ОГПУ, Сибкрайкома ВКП(б), протоколы собраний

уполномоченных ЦРК и горПО зафиксировали множество случаев недовольства рабочих и служащих перебоями в поставках продовольственных и промышленных товаров, нормами рабочего снабжения, огромными очередями в магазинах, повышением цен на предметы первой необходимости. Так, в ходе отчетно-перевыборной кампании 1928/29 г. в выступлениях пайщиков чаще всего говорилось о недостаточном снабжении промышленными и продовольственными товарами – 29,9% от числа всех выступлений, на втором месте были проблемы кооперирования и паев – 13,1%, на третьем – деятельность кооперативного аппарата – 9,6%, на четвертом – качество товаров – 8,9%, на пятом – цены и наценки в кооперативной торговле и т.д. В отличие от аналогичной кампании 1927/28 г. выступления в 1928/29 г. «...носили характер критики руководства рабочей кооперации, ...политики рабочего снабжения и направления работ рабочей кооперации», и даже «политики советского государства по наступлению на кулака и спекулянта». Вина за антисоветские высказывания авторами доклада об итогах отчетно-перевыборной кампании по рабочей кооперации Сибири за 1928/29 г. возлагалась на представителей кулацко-спекулянтских групп, отражавших «мелкобуржуазные настроения городского мещанского населения». Далее в докладе говорилось, что «этим выступлениям был дан решительный отпор со стороны рабочих на всех... собраниях...» [14. Л. 12–13].

Введение карточной системы снабжения городского населения сковывало инициативу кооперативных работников и в значительной степени сужало сферу торговой деятельности ЦРК и горПО, означало дальнейшее превращение потребительской кооперации в распределительный аппарат в руках государства. Более того, потребительская кооперация должна была стать одним из важных источников средств на индустриализацию: во-первых, происходило дальнейшее сокращение кредитования кооперации со стороны государства, во-вторых, ЦРК и горПО должны были обеспечивать в первую очередь рабочих и служащих крупных промышленных центров. Как же в этих условиях она обеспечивала пайщиков ЦРК и горПО? По данным за 1929 г. степень удовлетворения потребностей рабочих в хлебе 67,1%, в масле 79,6%, в мясе 74,3%, в кисло-молочных продуктах 35,1 %, в яйцах 24,9%, в овощах 4,6% [38. Л. 2]. Недостающую часть продуктов питания восполнял частный рынок, что способствовало быстрому росту базарных цен (определенную роль играло и подсобное хозяйство рабочих).

В условиях кардинальных социально-экономических и общественно-политических трансформаций конца 1920–1930-х гг., усиления роли государства во всех сферах жизни общества переход от торговли к распределению был обусловлен рядом причин. Во-первых, концентрация ресурсов на развитие тяжелой промышленности вела к оставанию отраслей, производящих предметы потребления. Во-вторых, постоянное сужение сферы рыночных отношений, переход к плановому ведению хозяйства увеличивали дефицит промышленных и продовольственных товаров. В-третьих, хлебозаготовительные трудности 1927/28 гг. поставили большевистское руководство перед выбором:

либо более сбалансированное развитие отдельных секторов экономики, либо сохранение приоритета тяжелой индустрии и необходимость применения мер по распределению промышленных и продовольственных товаров.

Курс на форсированную индустриализацию напрямую сказался на функционировании городской и рабочей потребительской кооперации, которая вновь, как и годы «военного коммунизма», подверглась огосударствлению.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воробьев-Набатов Н.* Сжатие товарного кредита и кооперация // *Союз потребителей.* 1926. № 5.
2. *Кооперативная Сибирь.* 1929. № 10.
3. *Кооперативная Сибирь.* 1927. № 3.
4. *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1997.
5. *Большевик.* 1927. № 6.
6. *Сибирская потребительская кооперация.* 1926–1928 гг. (Отчетные материалы). Новосибирск, 1929.
7. *Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам.* М., 1967. Т. 1.
8. *Потребительская кооперация Сибири в 1927/28 и 1928/29 гг.* Новосибирск, 1929.
9. *Зыков А.* Состояние и ближайшие задачи ЦРК // *Жизнь Сибири.* 1930. № 1.
10. *Советская Сибирь.* 1929. 4 окт.
11. *Болотин З.* Снабжение рабочей кооперации сельскохозяйственной продукцией // *Союз потребителей.* 1927. № 4.
12. *Кооперативная Сибирь.* 1929. № 1.
13. *Кооперативная Сибирь.* 1928. № 8.
14. *Государственный архив Новосибирской области (ГАНО).* Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 335.
15. *Государственный архив Томской области (ГАТО).* Ф. Р-203. Оп. 1. Д. 11.
16. *Государственный архив Красноярского края (ГАКК).* Ф. Р-62. Оп. 2. Д. 3.
17. *Красное знамя.* 1927. 16, 19 окт.
18. *Известия Сибкрайкома ВКП(б).* 1928. № 5.
19. *Итоги работы профсоюзов Сибкрая.* 1927–1929 гг. Новосибирск, 1929.
20. *Кооперативная Сибирь.* 1929. № 2.
21. *Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФАК).* Ф. Р-203. Оп. 1. Д. 18.
22. *Известия Сибкрайкома ВКП(б).* 1928. № 20–21.
23. *Рабочий класс в период строительства социализма (1917–1937 гг.).* Новосибирск, 1982.
24. *ГАКК.* Ф. Р-62. Оп. 2. Д. 7.
25. *Советская Сибирь.* 1929. 15 янв.
26. *Советская Сибирь.* 1929. 29 авг.
27. *Советская Сибирь.* 1929. 17 сент.
28. *Советская Сибирь.* 1929. 28 сент.
29. *Советская Сибирь.* 1929. 23 окт.
30. *Советская Сибирь.* 1929. 11 сент.
31. *Советская Сибирь.* 1929. 12, 16 окт.
32. *Российский государственный университет экономики (РГАЭ).* Ф. 5240. Оп. 18. Д. 116.
33. *Советская Сибирь.* 1929. 16 авг.
34. *Советская Сибирь.* 1929. 24 сент.
35. *Известия.* 1929. 20 сент.
36. *Известия.* 1929. 18 сент.
37. *ЦХАФАК.* Ф. Р-312. Оп. 3. Д. 125.
38. *ГАНО.* Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 314.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 января 2010 г.